

ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ ТЕХНИКИ?

(Рецензия на книгу: Финберг Э. Между разумом и опытом: эскизы о технике и современности (Feenberg A. Between Reason and Experience. MIT, 2010. 257 p.))

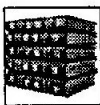
Д.А. МЕЛЬНИКОВА

Исследования науки и техники (Science and Technology Studies, STS) приобретают все возрастающее значение как область развития современной философии техники. Сложилось так, что главное внимание до последнего времени уделялось представителям наиболее организованного и многочисленного течения STS – социального конструктивизма (Латур, Пиккеринг, Харавэй, Ло). Нам представляется интересным представить книгу, автор которой не относит себя к данному направлению STS. В какие-то моменты его позиция оказывается прямо противоположной, но тем самым задается более широкий контекст рассмотрения вопроса о технике.

Книга «Между разумом и опытом: эскизы о технике и современности» профессора Эндрю Финберга, заведующего кафедрой философии техники Школы коммуникации в Университете Саймона Фрейзера, посвящена исследованию и критическому анализу отношений между наукой, техникой и полити-

ческим устройством общества и является результатом многолетнего опыта исследований проблемы техники, логическим продолжением его книги «Критическая теория техники» (Critical Theory of Technology. Oxford University Press, 1991).

По ту сторону дистопии. В первой главе «Демократическая рационализация» автор обозначает основные темы книги: соотношение дистопии и демократии, вопрос о двойственной природе техники как совокупности собственно технического и социального, проблема экологического преобразования технических систем, а также вклад социального конструктивизма в философию техники. Выступая против любого вида детерминации, как технологического, так и социального детерминизма, Финберг отстаивает мысль пропорциональности организации дизайна как процесса, направленного на преобразование индустриального общества и его связь с феноменом политики. Люди, наиболее активно вовлеченные в новые технологические процессы, в будущем с большей вероятностью смогут определять и контролировать их развитие, а социальная активность окажется напрямую связанной с активностью технологической. Финберг называет процесс создания подобного сообщества «демократической рационализацией».

Вторая глава «Несопоставимые парадигмы: ценности и окружающая среда» освещает вопрос организации окружающей среды в соотношении с культурными условиями. Согласно этому взгляду, существующие технологии зависят от социального выбора, основанного на эффектах различного характера окружающей культурной обстановки, и отнюдь не являются лишь результатом рационального выбора наиболее эффективного способа создания вещей.

Развитие техники было бы невозможным без создания единой

системы взаимодействия людей. Этот процесс анализируется автором в третьей главе первой части «Взгляд вперед, взгляд назад: меняющийся образ техники». В настоящее время главным средством организации системы коммуникации является Интернет, именно он позволяет сделать общение между людьми практически неограниченным как в пространстве, так и во времени. Вместе с тем мы получаем процесс, который Финберг называет «демократической рационализацией». Он расширяется пропорционально расширению действия технических систем, дизайн которых сам по себе является следствием социального запроса.

Критический конструктивизм. Глава первая «Критическая теория техники: обзор» второй части книги объединяет взгляды философии техники и конструктивистских исследований в единую «критическую теорию техники» и развивает положения, изложенные Финбергом в его более ранней работе «Критическая теория техники», упомянутой выше. Анализ состояния техники проводится на двух основных уровнях. Первый представляет собой разделение общего жизненного пространства на людей и вещи, но его оказывается недостаточно для построения адекватного описания техники. Для этого необходим второй уровень, который вновь объединит элементы в соответствии с их естественным, техническим и социальным окружением. Введенное ранее понятие «технического кода» служит организующим моментом, определяющим отношение к технике в рамках социального контекста. Это правило действует наравне с предубеждениями,

существующими в обществе, и определяет порядок распределения власти.

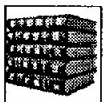
Особое внимание автор уделяет системному характеру влияния техники и практического применения принципов системности, что описано в главе «От информации к коммуникации: французский опыт с Videotex» на примере создания французской компьютерной сети Mintel, которая изначально задумывалась для распространения информации, но неожиданно превратилась в систему коммуникации. Ближайшее рассмотрение показывает роль пользователя в противодействии технократическим предрассудкам в противовес распространенному мнению о детерминированности постиндустриального общества.

Третья глава второй части «Техника в глобальном мире» исследует первый неевропейский опыт модернизации на примере Японии. Приводя наглядные модели переноса технических моделей и дискутируя с японским философом Китаро Нишида (Kitaro Nishida), автор вводит понятия «ветвления» и «слоистости» в трактовку развития техники и применяет их к теории «места» (basho), развиваемой Нишида. Хотя японский опыт развития техники и не дает окончательных ответов на вопросы о соотношении природы и современности, он показывает, насколько сложным образом техническая рациональность обусловлена культурными факторами. В связи с этим автор делает вывод о необходимости пересмотра современного понятия техники как исключительной характеристики западной цивилизации.

Современность и рациональность — часть заключительная, но не последняя по значению, в первой главе которой, «Современная теория и исследования техники: размышление о преодолении разрыва», влияние техники на общество рассматривается с точки зрения соотношения современных теорий и исследований в области науки и техники. Первые трактуют действительность с точки зрения общего процесса рационализации, вторые рассматривают ее в плане анализа создания специфических приспособлений. Наиболее значимой фигурой для первых является Маркс, в то время как на вторые наибольшее влияние оказал Кун. Согласно мнению автора, основная проблема состоит в том, что обе позиции не связаны между собой. Предпринимая попытку устранить эту проблему в коммуникации, Финберг осуществляет синтез на основе герменевтического подхода.

Вторая глава «От критической теории техники к разумной критике рациональности» рассматривает сам способ говорить о современных обществах как рациональных. Автор выдвигает идею критической стратегии сопротивления социальной рациональности в отношении рациональности критической.

Итоговая глава книги «Между разумом и опытом» раскрывает основную тему книги — соотношение ежедневного опыта и технической рациональности. Разделение знания и опыта зачастую не осознается. В условиях современности, когда на первый план выходят специализация и дифференциация, невозможно не принимать во внимание усиление процесса интеграции и глобализации. Анализируя рабо-

ты Хайдеггера и Маркузе, которые связывают подобную ситуацию с развитием современных технологий, Финберг призывает к более детальному рассмотрению позиции последнего. Маркузе говорил о радикальной трансформации техники вследствие слияния воедино эстетических и технологических подходов. Дальнейшее развитие данной позиции, по мнению автора, должно привести к широкому рассмотрению и реформе в области технических дисциплин и их отношения к области опыта. Особое внимание уделяется понятию значения.

Кто же отвечает за воспроизводство значений в современной ситуации? Маркузе полагал, что это привилегия разума. Но если раньше в основании разума всегда находилось положение о приоритете жизни над смертью, то вопрос о том, что первично для современных организаций, которые «становятся неразумными в своей рациональности», остается открытым. И здесь Финберг делает экзистенциальное и мировоззренческое заявление: «Как и техника, мудрость должна располагаться между разумом и опытом».

Следуя за идеей французского философа Гильберта Симондона и его концепцией наслоений, согласно которой каждая новая функция порождает новую структуру, Финберг говорит о прогрессирующем пути развития техники. Так, структура артефакта может реконструироваться при дополнении его новыми функциями. Симондон

называет это «конкретизацией». Технические артефакты — это не застывшие произведения искусства, зафиксированные в своем состоянии раз и навсегда. Напротив, они постоянно трансформируются, меняя свои первоначальные функции в ответ на потребности человека, их использующего. Дизайн для того, чтобы быть по-настоящему применимым к жизни и способным изменить ее к лучшему, не должен разрабатываться в лабораториях; успешно существовать и реализовываться он может, лишь ориентируясь на актуальные социальные запросы и реалии индустриального общества.

В условиях ускоренного развития технологий и их активного внедрения в повседневную жизнь книга Эндрю Финберга имеет особое значение, так как представляет собой системный анализ не только техники, но и тех глобальных изменений, которые происходят в связи с ее развитием. А главное, заставляет задаться вопросом, зачем и для чего это необходимо. Но кроме этого, автор предлагает положительную интерпретацию перспективы развития техники. Как в послесловии к книге отмечает Мишель Каллон, «не может быть хорошей демократии без демократии технической! И наоборот, нет хорошей техники без демократии!». Как показывает Финберг, исследования науки и технологии совместно с философией могут помочь установить, поддержать и развить этот тип перспективной демократии.